

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-645-652

EDN: XCBZUZ

История российской государственной службы: социально-стратификационный и профессионально-образовательный аспекты*

В.С. Мухаметжанова

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

(e-mail: mukhametzhanova-vs@rudn.ru)

Аннотация. Статья представляет собой краткий социологический обзор фундаментальной исторической работы С.В. Волкова «Элитные социальные группы и государственная служба в России» (М.: Ruinaissance, 2026. 420 с.). Социологическое «измерение» книги обусловлено тем, что за представленными в ней «большими историческими данными» и основанными на них объяснениями общей логики эволюции российской государственной службы просматриваются значимые для социологического анализа тематические линии: региональная (географически-политическая) дифференциация российского общества; методические ограничения любой социально-стратификационной модели; исторически традиционные (воспроизводящиеся) ее особенности («вертикаль власти», механизмы, факторы и барьеры социальной мобильности, аномические разрывы и профессиональная/корпоративная солидарность).

Ключевые слова: государственная служба; российское общество; гражданская и военная государственная служба; социальные группы; элита; (само) воспроизводство; профессиональный служилый слой; законодательство; образование

Для цитирования: Мухаметжанова В.С. История российской государственной службы: социально-стратификационный и профессионально-образовательный аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 2. С. 645–652. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-645-652> EDN: XCBZUZ

Социологи, изучающие особенности становления и функционирования российской государственной службы как социального института и социально-профессиональной группы, как правило, опираются на библиографические источники двух типов: историко-социологические реконструкции [3; 6; 7; 13] и исследовательские проекты, в разном соотношении сочетающие элементы теоретического и эмпирического, фундаментального и прикладного анализа [2; 4; 5; 8; 9; 12; 14; 15; 17–19]. Рецензируемая книга

*© Мухаметжанова В.С., 2026

Статья поступила в редакцию 05.04.2026. Статья принята к публикации 12.05.2026.

не очень вписывается в этот условный список, но заслуживает внимательного прочтения — для знакомства не столько с огромным по объему и историческому охвату количественным материалом (из множества источников, систематизированным по разным основаниям, представленным в абсолютных и относительных значениях для лучшего понимания выявленных тенденций), сколько с выстроенными на этой основе авторскими интерпретациями, которые содержат важные с социологической точки зрения характеристики государственной службы. В отдельных случаях они прямо прописаны в тексте, но чаще скорее считываются читателем с социологической подготовкой, вызывая ассоциации со знакомыми концепциями, когда автор пишет про пути комплектования управленческого корпуса (законодательно обозначенные и фактические), изменения его численности и доли в населении, особенности развития государственного аппарата и вооруженных сил, порядок поступления на государственную гражданскую службу и траектории ее прохождения, отмечая некоторые социально-демографические характеристики «профессионального служилого слоя» в современном смысле (доход, жилищные условия, образ жизни, брачные ограничения и т.д.).

Формально содержание книги разбито по историческим эпохам развития государственной службы в России. В первой части представлены периоды Киевской Руси и Московского царства. Во второй части эпоха Российской империи в силу своей продолжительности разбита на четыре раздела в соответствии с изменениями в положении рассматриваемых социальных групп в результате развития административного и военного аппарата и совершенствования социального и служебного законодательства: каждый раздел последовательно характеризует статус, организацию и численность сословных групп, состояние государственного аппарата и вооруженных сил, систему чинов и практики чиновничества, условия и обеспечение службы, состав и социальные характеристики чиновничества и офицерства. В третьей части «рассматриваются некоторые общие закономерности, присущие развитию элитных групп Российской империи, и излагаются результаты исследования высшей страты профессионального служилого слоя (на материале более 36 тысяч лиц «генеральских» чинов) XVIII — начала XX веков» (С. 5). С социологической точки зрения наиболее интересны те количественно и качественно описанные особенности российской государственной службы, которые в значительной степени характерны для нее и сегодня (по крайней мере выглядят как исторически обусловленные, традиционные) или вызывают ассоциации с классическими социологическими теориями и современными эмпирическими наблюдениями. Попробуем обозначить эти особенности в порядке упоминания в книге, а не по степени значимости для читателя-социолога, который скорее всего будет просматривать насыщенные цифрами страницы по вертикали или, напротив, будет сосредоточенно изучать отдельные из них, используя книгу как справочное издание по интересующим вопросам.

Во-первых, то, что мы сегодня называем выраженной региональной дифференциацией российского общества, а в тексте упоминается уже на первых страницах как «конкретные географические и политические обстоятельства (в частности, обширность территории при малой плотности населения, занимаемое русским государством положение на окраине европейского и христианского мира, длительное нахождение в зависимости от Золотой Орды)» (С. 3–4), например, «Смута более всего повлияла на состав провинциального дворянства, которое сменилось очень сильно» (С. 65).

Во-вторых, методические комментарии автора относительно используемых источников и формулируемых на их основе выводов (с теми же проблемами фрагментарности данных постоянно сталкиваются социологи). С одной стороны, это многочисленные и разнообразные официальные издания (законодательство, статистические и архивные материалы) и труды просопографического характера. С другой стороны, эти данные охватывают далеко не все хронологические периоды и социальные группы, например, для IX–XIII веков, «что касается степени самовоспроизводства элитных слоев... то для самой массовой их части никаких надежных данных не существует» — С. 16; «в XVII веке учет русских офицеров был сильно запутан в результате отсутствия единых органов управления» — С. 47; «для конца XIX века систематических данных о числе чиновников нет» — С. 228. В свете подобных объективных ограничений автор, по сути, признает, что представляет читателю не законченную и закрывающую все вопросы картину, а мозаичное полотно — говорит о «попытке рассмотреть историю формирования, порядок комплектования, численность и степень воспроизводства элитных групп» (С. 4), «сделать достаточно убедительные выводы» (С. 7).

В-третьих, традиционная «вертикаль власти» в управлении российским обществом: «при московских князьях еще в первой половине XIV века выдвигаются несколько родов, играющих в дальнейшем виднейшую роль в комплектовании московского боярства... степень концентрации власти в руках немногих ведущих родов в XIV — первой половине XV века была исключительно велика» (С. 22, 23); «к середине XVI века вполне уже сложился круг родов, представители которых из поколения в поколение входили в состав Думы и занимали высшие дворцовые должности и получали все важные назначения по военной и гражданской службе» (С. 31). «В условиях практического самовоспроизводства высших страт служилого слоя степень монополизации высших должностей и чинов наиболее знатными родами оставалась исключительно высока на протяжении всего аристократического периода российской государственности, несколько снизившись лишь в XVII веке» (С. 67). Эта модель сохраняется (только критерии «элитности» и факторы монополизации власти изменились), несмотря на то что уже с XVII века «в результате развития военных и административных структур в составе служилого слоя приобретают все большее значение функци-

ональные группы» (С. 35), и, «хотя происхождение по-прежнему играло решающую роль в продвижении, но в дворяне и выборные городовые дети боярские могли производиться и за заслуги» (С. 42). В той или иной степени концентрация власти в руках нескольких «групп» сохраняется, но меняется «тип» этих групп в российской истории (номенклатура, олигархия и пр.).

В-четвертых, исторические изменения критериев социальной стратификации. Первоначально «специального понятия аноблирования или иного формального причисления человека к категории “служилых людей по отечеству” в виде соответствующего акта не было, но принадлежность каждого конкретного лица к этому слою определялась совершенно однозначно: членом его был всякий, несший службу с поместья или вотчины» (С. 25); «к XVII веку в России наблюдается уже весьма четкое деление населения на обособленные сословные группы, которое на протяжении столетия продолжало усугубляться... Элитные группы были представлены служилыми людьми “по отечеству”, к которым примыкала приказная бюрократия, духовенство и привилегированные купеческие корпорации» (С. 57); «преобразование дворянского сословия в самом конце XVII — первом десятилетии XVIII века шло по пути превращения слоя служилых людей “по отечеству” в офицерство и чиновничество регулярной армии и нового государственного аппарата» (С. 80) (Табель о рангах и петровская идея автоматического аноблирования за достижения по службе). В дальнейшем управленческий аппарат развивается в общеевропейской логике (но с принципиальными особенностями) веберовской профессионализации и рационализации, поэтому типичная для «аристократических» обществ (Московская Русь) структура и модель воспроизводства элитных социальных групп радикально изменилась в типичном «бюрократическом» обществе (Российская империя) (С. 357).

С этой точки зрения материал книги выступает фактографической иллюстрацией известных концептуальных построений П.А. Сорокина о социальной мобильности, каре и награде, «социальных лифтах» и барьерах для социального продвижения. Например, уже в XVII веке «основу материального благосостояния служилого слоя составляли земельные держания» — не как вознаграждение за службу, а как необходимое условие ее несения, однако поместья могли отбираться за провинности (неявку на смотры, бегство со службы и пр.), тем самым человек автоматически выбывал из сословия (С. 51, 57); денежный оклад/жалованье служилого слоя был «показателем социального статуса, так как его величиной определялся и размер штрафа за бесчестье» (С. 53). «Государство, исходя из необходимости поддержания нужного ему соотношения между потребностями фиска и службы, последовательно проводило политику, направленную на максимальную обособленность всех вообще сословных групп, но прежде всего это касалось служилых людей “по отечеству”» (С. 57). В результате в XVIII веке «из трех основных элитных групп духовенство было наиболее замкнутой и практически пол-

ностью самовоспроизводящейся, дворянство — более открытой снизу и воспроизводилось из собственной среды не более чем на 80 %, а купечество, состав которого был непостоянен даже в одном поколении, самовоспроизводилось не более чем наполовину» (С. 105–106).

Образование (один из сорокинских «социальных лифтов») становится важным механизмом социальной мобильности уже в XIX веке — когда оформилась система гражданских и военных учебных заведений (С. 177), и даже наиболее уважительной причиной отпуска со службы (хотя, как и любая отлучка с места службы, он считался нежелательным и был крайне затруднен) считалось завершение образования (С. 195). В XIX веке «весь образованный слой в значительной степени самовоспроизводился, сохраняя культурные традиции своей среды (наряду с тем, что большинство членов этого слоя вошли в него путем собственных заслуг, их дети практически всегда оставались в его составе, получая соответствующее образование)... однако постоянно и чем дальше, тем больше, пополнялся лицами из низших сословий» (С. 217). Во второй половине XIX века «важнейшее значение для производства в первый классный чин приобрело окончание учебного заведения, а для производства в первый офицерский чин это стало обязательным условием» (С. 251–252), и далее «абсолютное большинство профессионального служилого слоя в целом (офицерства и рангового чиновничества) имело недворянское происхождение... это было закономерным следствием того обстоятельства, что при расширении системы среднего и высшего образования, служащей основным поставщиком кадров государственного аппарата, дворяне стали составлять среди учащихся и студентов все меньшую долю» (С. 287–288). К началу XX века «профессиональный служилый слой был в целом наиболее образованной частью общества. Не только до 90 % деятелей российской науки и культуры происходило из этой среды, но и подавляющее большинство их были чиновниками и офицерами. Наиболее образованной группой в России было именно чиновничество, и на государственную службу шло абсолютное большинство выпускников вузов» (С. 300).

В-пятых, радикальные изменения состава, функций и специфики комплектования элитных социальных групп в тяжелые исторические периоды (аномические в дюркгеймианской трактовке [11]), например, «столь масштабной единовременной смены элитного слоя ни до Смуты начала XVIII века, ни после этого в российской истории до начала XX века не наблюдалось»: «Большинство дворян и детей боярских погибли в эти годы, и персональный состав дворянства значительно обновился, в том числе его высших слоев... Для пополнения численности служилых людей “по отчеству” пришлось наделить поместьями и перевести в эту категорию значительное число... служилых людей “по прибору”» (С. 34). Масштабные реформы не порождали столь радикальных изменений: так, в ходе петровского реформирования «существенной смены социального состава верхних и средних слоев служилого

слоя не произошло... важнейшим итогом его трансформации... стало формальное оформление в виде единого и равного в своих правах и обязанностях дворянского сословия... Реформы коренным образом изменили принцип комплектования служилого сословия, широко открыв в него путь на основе выслуги и положив начало его постоянному и интенсивному обновлению. Неофиты полностью абсорбировались средой, в которую вливались, и не меняли ее характеристик в каждом новом поколении, но в целом это была новая элита, отличная по психологии и культуре от предшественников XVII века. Прозрачность сословных границ имела важное значение для социально-политической стабильности... если до того сословные границы были почти непроницаемы, то теперь приток в дворянство постоянно возрастал» (С. 98).

В-шестых, традиционное отсутствие «корпоративной солидарности» у управленческого аппарата: до второй половины XVII века «понятие родовой чести было центральным в психологии служилого человека, и он готов был терпеть опалы и унижения, лишь бы своей уступкой не нанести ущерба роду, своим родственникам и потомкам... На фоне такой гипертрофии понятий о родовой и служебной чести в Московский период совершенно отсутствуют понятия о чести корпоративной... соответственно, и о личной чести служилого человека как представителя своего сословия... Поэтому дворянам и детям боярским была чужда и забота о “чистоте” своих рядов, и понятие о достоинстве своего социального положения» (С. 60), современные проявления чего почти ежедневно упоминаются в медийной повестке. С другой стороны, уже с XVII века российское духовенство стало самовоспроизводиться как «автономная корпоративная структура» (С. 72), превратилось в «фактически замкнутое сословие, так как пополнение его со стороны было ничтожным... в XVIII веке оно еще больше консолидировалось и получило новые привилегии » (С. 103), причем «если на самом верху церковная иерархия смыкалась с государственной, то во всем остальном церковь и духовенство как корпорация представляли собой автономную структуру, в гораздо меньшей степени связанную с государством и от него зависимую, чем дворянство» (С. 125) — все это мы можем наблюдать и сегодня.

Что может несколько смутить читателя-социолога, так это вынесенное в название книги понятие «элитные социальные группы». Понятие элиты достаточно устойчиво в междисциплинарном научном дискурсе [1; 10; 16], но в социологии практически не встречается в указанном сочетании (кстати, в тексте не дается концептуальное определение элиты — уточняются только компоненты ее операционального определения в исторической перспективе). Автор исходит из того, что «социальные системы почти всех традиционных обществ включают примерно одинаковый набор высших (элитных) групп — таких социально-профессиональных или сословных групп, которые по своему статусу, престижу или благосостоянию стоят выше массы рядового населения и обычно составляют не более 5–10 % всего населения (в тексте аналогичные цифры приводятся не всегда, нередко просто констатируется «немногочислен-

ность профессионального управленческого аппарата»). Степень связи таких социальных групп с государством и создаваемыми ими институтами (прежде всего с государственной службой) формирует важные особенности, отличающие данное общество от себе подобных. Особенно большое значение имеет этот фактор в последние столетия существования традиционных обществ, когда, с одной стороны, формируются полноценный бюрократический аппарат и регулярная армия, а с другой — с появлением новых элитных профессиональных групп, комплектуемых из различных (не только элитных) слоев общества, сословное деление постепенно утрачивает значение» (С. 3). Социология все же оперирует более обобщенными типологиями, поэтому социологические модели стратификации четко разводят традиционные общества с сословным и классовым делением и современные общества с социально-групповой стратификацией, и понятие элиты в социологии не применяется к тем эпохам прошлого, о которых идет речь в книге. Однако такие расхождения исследовательской оптики и категориального аппарата обусловлены понятийной и методической спецификой двух дисциплин (истории и социологии), и просто следует помнить о ней в ходе «социологического чтения» исторических изданий.

Библиографический список

1. *Борщевский Г.А.* Высшие государственные служащие как политико-административная элита современной России // *Полития*. 2018. № 1.
2. *Борщевский Г.А.* Социологический портрет высшей бюрократии в России // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2024. Т. 24. № 4.
3. *Голосенко И.А.* Социальная идентификация рядового чиновничества в России начала XX века: историко-социологический очерк // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2000. № 3.
4. *Деханова Н.Г.* Социология государственной службы. М., 2024.
5. *Мухаметжанова В.С., Иевлев Е.А.* Проблемы и перспективы будущей профессиональной деятельности в оценках студентов направления «государственное и муниципальное управление» // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2016. Т. 16. № 1.
6. *Мухаметжанова В.С., Ишмухаметов Р.Р.* Социологически значимая историческая реконструкция одной эпохи в истории российской гражданской службы // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2025. Т. 25. № 1.
7. *Писарькова Л.Ф.* Российский чиновник на службе в конце XVIII — первой половине XIX века // *Человек*. 1995. № 3.
8. *Социология государственного и муниципального управления в России* / отв. ред. Н.Г. Чевтаева. М., 2024.
9. *Тев Д.Б.* Высокопоставленные чиновники министерств социального блока российского правительства: каналы рекрутирования и карьера // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2024. Т. 24. № 2.
10. *Тев Д.Б.* Федеральная административная элита: карьерные пути и каналы рекрутирования // *Политические исследования*. 2016. № 4.
11. *Троцук И.В.* «Классическая» аномия и ее концептуальные «уточнения» // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2025. Т. 25. № 4.
12. *Троцук И.В., Рындина А.С.* Ценностные приоритеты государственных служащих в собственных и внешних оценках: результаты кейс-стадии // *Государственное управление и развитие России: глобальные тренды и национальные перспективы*. М., 2023.

13. *Чевтаева Н.Г.* Патримониализм в служебных отношениях российского чиновничества (по материалам дореволюционных эмпирических исследований) // Социологические исследования. 2022. № 6.
14. *Fortescue S.* Russia's civil service: Professional or patrimonial? Executive-level officials in five federal ministries // *Post-Soviet Affairs*. 2020. Vol. 36. No. 4.
15. *Garifullina G.* The best among the connected (men): Promotion in the Russian state apparatus // *Post-Soviet Affairs*. 2023. Vol. 39. No. 5.
16. *Kryshchanovskaya O., White S.* From Soviet nomenklatura to the Russian elite // S. White, D. Nelson (Eds.). *The Politics of the Post-Communist World*. London, 2019.
17. *Nikulin A., Trotsuk I., Wegren S.* Ideology and philosophy of the successful regional development in contemporary Russia: The Belgorod case // *Russian Peasant Studies*. 2018. Vol. 3. No. 1.
18. *Nikulin A.M., Trotsuk I.V., Wegren S.K.* The importance of strong regional leadership in Russia: The Belgorod Miracle in agriculture // *Eurasian Geography and Economics*. 2017. Vol. 58. No. 3.
19. *Trotsuk I.V., Ivlev E.A.* Few words on the high level of social distrust among the Russian youth: Civil servants' social image // *RUDN Journal of Sociology*. 2016. No. 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-645-652

EDN: XCBZUZ

History of the Russian civil service: Social-stratificational and professional-educational aspects*

V.S. Mukhametzhanova

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: mukhametzhanova-vs@rudn.ru)

Abstract. The article presents a brief sociological overview of the fundamental historical work by S.V. Volkov *Elite Social Groups and Russia's Civil Service* (Moscow: Ruinaissance; 2026. 420 p.). The sociological “dimension” of the book is determined by the fact that behind its “big historical data” and explanations of the general logic of the evolution of the Russian civil service, there are thematic lines significant for sociological analysis: regional (geographical-political) differentiation; methodological limitations of any social-stratification model; its historical traditional (reproducible) features (“vertical of power”, mechanisms, factors and barriers to social mobility, anomic gaps and professional/corporate solidarity).

Key words: civil service; Russian society; civil and military government service; social groups; elite; (self) reproduction; professional civil service stratum; legislation; education

For citation: Mukhametzhanova V.S. History of the Russian civil service: Social-stratificational and professional-educational aspects. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (2): 645–652. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-645-652> EDN: XCBZUZ

*© V.S. Mukhametzhanova, 2026

The article was submitted on 05.04.2026. The article was accepted on 12.05.2026.